

Словно пробуждение в теплых околоплодных водах — тело, еще не успев окончательно проснуться, отзывается легкой, даже приятной ломотой.

Лю Вэнь открыл глаза в своей привычной комнате.

Уже совсем рассвело, и солнечный свет, пробиваясь сквозь светлые льняные шторы, заливал комнату.

Лю Вэнь поднял правую руку, прикрываясь от света, и почувствовал, как тепло ползет по тыльной стороне ладони.

Это было тепло, которого не было в пустой, звенящей пустотой темноте. Снаружи доносились приглушенные звуки.

Мать ворчала, почему он до сих пор не вышел. Говорила, что как только накроет на стол, пойдет его вытаскивать, и добавляла, что он уже два дня сидит взаперти, так что сегодня она непременно вытянет его на улицу подышать свежим воздухом.

Услышав это, Лю Вэнь почувствовал, как глаза невольно увлажнились.

Он раздвинул шторы, впуская солнце в комнату, и, обернувшись, увидел подарок, оставленный господином Суном.

На столе лежали разрезанные, а затем аккуратно сшитые хирургическими нитками помело и виноградины.

Они были расставлены по размеру и выглядели почти празднично.

Лю Вэнь взял в руки помело, подбросил его и внезапно рассмеялся. Это был почерк господина Суна — странный и причудливый.

Впрочем, кожура помело была сшита даже лучше, чем он сам шил, когда был стажером.

Он вышел из комнаты, держа в руках это распотрошенное помело. Родители, расставлявшие на столе тарелки, увидев сына, тут же принялись звать его умываться и завтракать.

— Быстрее иди умойся, — мать подтолкнула его в сторону ванной. — Который час, а ты только встал! Хорошо, что мы не держим кур, иначе они бы тебя давно подняли.

Она продолжала без умолку ворчать, а заметив в руках сына помело, лишенное всякого фруктового достоинства, добавила:

— Опять ты за свое? Ты ведь перестал заниматься этой ерундой, как только закончил стажировку.

Лю Вэнь, вытерев лицо, подвел мать к обеденному столу и усадил:

— Это не я. Это подарок от одного друга.

Отец удивился:

— Что за друг дарит тебе такие вещи? Оригинально, ничего не скажешь.

Лю Вэнь окинул взглядом стол, который казался ему чем-то из прошлой жизни или из сна, и пробормотал:

— Да, это действительно очень необычный друг.

Когда страдания перевешивают радость, кто-то находит в себе силы бороться, но большинство людей, таких же, как он, оказываются сломлены.

Он потерпел неудачу, утонув в неуверенности и апатии. Раньше он был слишком труслив, погружаясь в собственную боль и не задумываясь о своих пожилых родителях.

Но господин Сун не такой. Люди, рожденные нести факел, всегда будут переходить через горы и болота.

Он был благодарен за помощь господина Суна. В бездне его за руку держал не дьявол.

За столом царил приятная атмосфера, мать украдкой подмигнула отцу.

Сын слишком долго сидел дома, сегодня они во что бы то ни стало должны его вытащить.

Лю Вэнь, заметив их переглядывания, невольно улыбнулся.

Он пододвинул матери тарелку с нарезанными фруктами и, словно фокусник, вытащил из кармана три билета в оперу, помахав ими перед родителями.

— Смотрите, что у меня есть, — сказал он с улыбкой. — Мы столько дней просидели дома, я чуть не задохнулся. Давайте сегодня сходим на куьцой, я угощаю.

Спасибо тому господину Системе, что заказал для него эти три билета.

Весь день он провел с родителями, чтобы они не волновались, а вечером под предлогом встречи с другом вернулся в свою квартиру.

Стиль оформления Сун Жуйчжи был очень своеобразным — это была имитация.

Вся обстановка в этой комнате в точности копировала пропорции родительского дома, наполняя пространство мелкими, уютными деталями.

Осмотревшись, он нашел в кабинете записку, оставленную Сун Жуйчжи.

Карта Пожирания Снов: после использования, если в течение трех дней пользователь не увидит того, кто наложил карту, он утонет во сне. После смерти выражение лица будет обычным, а причиной смерти станет остановка сердца.

Внизу стояла подпись: Сун Жуйчжи.

Почерк Сун Жуйчжи был под стать ему самому — острый, словно скрывающий внутри лезвия.

Лю Вэнь долго молчал, глядя на эти строки.

Это были слова, сказанные им в темноте. Он хотел, чтобы Ван Цзянь умер. По крайней мере, в тот момент он не желал ничего другого.

Сун Жуйчжи был хорошим сотрудником, который всегда ставил слова босса на первое место.

Лю Вэнь хотел смерти Ван Цзяня, и Сун Жуйчжи четко расставил для него ловушку, чтобы Лю Вэнь смог по-настоящему покончить с ним.

Он смотрел на буквы, снова и снова перечитывая их.

В кабинете больше не было пианино, шкафы были заставлены научными книгами и старыми записями.

Случайно он задел коробку для хранения, и ее содержимое высыпалось на пол.

Это был тот самый эскиз сердца, который раскрасил Сун Жуйчжи.

Он нарисовал его еще во время стажировки, очень давно.

Глядя на этот зачеркнутый рисунок, он принял решение.

На следующий день он отправился к Ли Сюню, облаченный в тот же черный костюм-тройку.

Увидев его, Ли Сюнь затрясся, словно мышь перед котом, подняв в палате настоящий переполох.

Лю Вэнь смотрел на этого дрожащего мужчину, молящего о прощении, и наконец почувствовал полное освобождение.

Он врач, и его руки не дрогнут даже с самым тонким скальпелем.

Ли Сюнь не достоин того, чтобы его руки были в крови. И господин Сун тоже не достоин.

Он выбросил букет белых хризантем в мусорное ведро.

В процессе переноса 546 включил блокиратор и подключился к информационному интерфейсу 017.

Системное пространство 546 было спроектировано его предыдущим носителем — уютная трехкомнатная квартира.

Он налил 017 виски у маленькой барной стойки.

— У меня в баре только это, — 546 пододвинул ему напиток, а сам взял бутылку колы. — Ты же знаешь, он любит только это.

017 кивнул.

Он сидел на высоком стуле, вытянув одну ногу и слегка согнув другую.

На вид ему было не больше двадцати восьми-тридцати лет. Белая рубашка, расстегнуты две верхние пуговицы, обнажая ключицы.

Высокие скулы, правильные черты лица.

Он постучал пальцами по стакану, не притрагиваясь к виски. 546, глядя на него, усмехнулся и, подавшись вперед, сказал:

— Ты видел его. Он живет довольно вольготно, совсем не похож на того бедняжку, о котором ты говорил.

— Он сильно изменился, стал гораздо больше ластиться.

546 скривил губы:

— В твоих глазах он, наверное, просто послушный ребенок.

017 отпил глоток и переспросил:

— Разве нет?

— Как скажешь, как скажешь. У тебя на него стоят фильтры. Но ты уверен, что план сработает? Никто еще не пробовал подменять код.

— Потому и может получиться, что никто не пробовал.

Он откинул волосы со лба, и 546 отчетливо увидел тонкий красный шрам на надбровной дуге.

546 промолчал.

017 был для него кем-то вроде старшего наставника. С самого начала именно он учил 546, как стать системой, способной приносить реальную пользу носителю.

И после того, как он полюбил своего носителя, 017 продолжал молча поддерживать его, прикрывая перед Главным Богом.

546 знал, что тот любит Сун Жуйчжи, и знал, что для него это единственный путь.

— Понял, сделаю все, как ты сказал. Как только этот мир закончится и начнется извлечение, мы сможем поменяться.

Он налил 017 еще вина и с легкой усмешкой добавил:

— Но в одном ты прав: он действительно мастерски умеет ластиться.

— Надеюсь, ты выдержишь.

Процесс извлечения длился лишь мгновение, тело словно провалилось в пустоту, а затем резко полетело вниз.

Сун Жуйчжи пришел в себя в тот же миг, как исчезло чувство невесомости, открыл глаза и тут же получил удар кнутом.

Чего?

Сун Жуйчжи прижал руку к месту удара и ошарашенно уставился на мужчину с лисьим кнутом.

Затем на него нахлынула такая обида, словно прорвало плотину:

— 546! Даже если ты злишься, это не повод с самого начала бросать меня в игру с заточением!

546, получив данные, тоже был в шоке.

Мир оказался до неприличия диким...

<http://bllate.org/book/21598/2226886>